

Авторская колонка

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

*Сысоев Филипп Игоревич,
Саакян Левон Варданович,
Санкт-Петербургский государственный
университет, г. Санкт-Петербург*

E-mail: karfagen97@mail.ru

УДК 330.8

Аннотация. В данной работе ставится цель рассмотреть конкретные случаи осуществления макроэкономической политики в свете их соответствия установкам различных экономических школ. Актуальность исследования напрямую вытекает из того, что разрабатываемая в нём проблематика – соотношение характерных особенностей экономической политики с методологическими основами лежащей в её основе теории – чрезвычайно важна в контексте адекватного понимания возможностей различных видов хозяйственной политики. При этом разработка заявленной проблематики (например, рассмотрение отношений между объектом науки и её методами) в целом проводится с учётом актуальных исследований по методологии науки. На ряде примеров авторы демонстрируют, насколько глубоко базовые допущения экономической теории могут аффицировать экономическую политику.

Ключевые слова: экономическая теория, кейнсианство, монетаризм, методология

Введение в проблематику. В каждый исторический период проводимые экономические реформы базируются на рекомендациях и воззрениях, присущих конкретной экономической школе. В этом смысле успех или неудача разных практических мер могут служить мерилем релевантности теоретических представлений, сложившихся внутри отдельных школ. При этом, однако, хочется обратить внимание на следующий момент: несмотря на видимое различие теоретических положений разных направлений экономической мысли, их могут объединять базовые методологические установки. И в таком случае выявленные на практике проблемы могут уже указывать не только (и не столько) на недостатки отдельной школы, сколько на проблемы, относящиеся к значительно более глубокому уровню – уровню методологических стратегий, на которых могут базироваться целые группы школ. В этом отношении вопрос о степени

воздействия используемой методологии на а) интерпретацию экономических фактов и б) на принятие конкретных мер экономической политики составляет основную проблематику работы. Этот вопрос можно сформулировать следующим образом: могут ли изначальные методологические установки (то есть априорные и самые общие воззрения на природу такого объекта, как сфера экономического) заранее предопределять характер теоретических выводов различных школ, а также основные контуры экономической политики.

К наиболее наглядным примерам, при помощи которых можно дать ответ на этот вопрос, мы отнесём экономическую политику, которая проводилась в США на основании кейнсианских и монетаристских рекомендаций. При этом будут выявлены присущие обеим школам методологические особенности, которые, на наш взгляд, и обусловили недостаточную эффективность основывавшейся на их рекомендациях политики. Забегая вперёд, заметим, что среди такого рода методологических недостатков можно выделить излишнюю ориентированность на агрегированные показатели, которым на основании статистических наблюдений приписываются свойства, не вполне отражающие действительность. Иными словами, обеим школам (кейнсианской и монетаристской) присуще излишнее желание придать наблюдаемым в экономике статистическим закономерностям характер жёстких функциональных связей или даже законов (по аналогии с естественными науками). Важно при этом то, что такой взгляд с неизбежностью порождает различные проекты экономического интервенционизма со стороны субъектов политики.

Первый пример. Кейнсианство: кривая Филлипса. Кривая Филлипса, демонстрирующая взаимосвязь между уровнем безработицы и инфляции, являлась чрезвычайно важным теоретическим элементом, на котором строилась макроэкономическая политика Соединённых Штатов вплоть до конца 1970-х гг. При этом хорошо известно, что к концу указанного периода в американской экономике наблюдалась стагфляция – то есть сложилась ситуация, в которой применение вытекающих из модели Филлипса практических мер не давало позитивных результатов (наблюдалась инфляция при отсутствии экономического роста и, следовательно, роста занятости). На тот момент это могло быть объяснено достижением «естественного уровня безработицы», при котором расширение производственной деятельности затруднительно. Но интересно то, что в период 90-х гг. связь между прогнозируемыми и фактическими значениями инфляции приняла характер, близкий к обратному [7, с. 1222]: низкая безработица соседствовала с низкой инфляцией. Это обстоятельство в полной мере указывает на то, что модель, адекватная для конкретного исторического периода, оказалась в какой-то момент некорректной.

На наш взгляд, подобное могло произойти только в случае модели, имеющей не столько логико-теоретический, сколько корреляционный характер. В этом отношении интересно отметить, что в оригинальной статье Филлипса была описана исключительно взаимосвязь безработицы с уровнем заработных плат [9]. Данная связь была не только подтверждена статистически, но и

обоснована логически (на основе классического механизма закона спроса-предложения). И только впоследствии модель Филлипса была обобщена для описания связи между уровнем безработицы и уровнем цен на основе «сильной корреляционной взаимосвязи между ростом зарплаты и ценами» [4, с. 97]. при этом не было дано глубокого теоретико-логического объяснения подобной зависимости. Например, Самуэльсон, описывая данную модель, ограничивается замечанием о том, что «фирмам проще повышать цены, когда со спросом не возникает проблем», и этот период просто совпадает по времени с тем, когда «рабочие места имеются в избытке» [7, с. 1214]. Фактически же модель Филлипса действительно может корректно отражать ситуацию, складывающуюся в определённых условиях – но только до определённого этапа, связанного со спецификой производственной структуры и фазой экономического цикла (что получило подробное объяснение в рамках теоретико-логического анализа австрийской экономической школы).

Второй пример. Монетаризм: скорость обращения денег.

Представители монетаризма считали, в противоположность кейнсианцам, что экспансионистская кредитно-денежная политика не способна оказать серьёзного воздействия на расширение производства (и, соответственно, на занятость), но зато легко может дезорганизовать систему цен. Поэтому в качестве первоочередной задачи они поставили стабилизацию уровня цен посредством радикальной борьбы с инфляцией. Инструментом такой борьбы являлось, с их точки зрения, сжатие денежного предложения. Такой подход основывался на основном уравнении количественной теории денег, где денежная масса и уровень цен связывались линейной зависимостью: $MV = PQ$.

При этом скорость обращения денег предполагалась стабильной и легко прогнозируемой величиной, растущей строго постоянными темпами. Такая оценка основывалась на статистических наблюдениях и игнорировала целый спектр возможных возражений, принимающих во внимание логику действий рациональных субъектов экономических отношений. Ирония заключалась в том, что скорость обращения денег оставалась стабильной и прогнозируемой ровно до начала монетаристских реформ в начале 1980-х гг. [7, с. 1252]. Это отчасти может быть объяснено тем, что монетаристская политика управления динамикой денежной массы основывалась на манипулировании процентными ставками, а в такой ситуации принципиально менялось отношение экономических агентов к наличным деньгам. В результате к концу 1990-х гг. понятие скорости обращения денег вышло из официального употребления. Этот пример прекрасно показывает, что выводы и рекомендации, сделанные на основе статистических данных, в отсутствие внимательной и глубокой теоретической проработки оказываются необычайно шаткими.

Несмотря на то, что монетаристская теория и политика с самого начала формировалась как принципиальная антитеза кейнсианству, на определённом уровне им оказались присущи очень схожие черты. Среди таких черт – глубокая убеждённость в возможности успешной манипуляции каким-либо

агрегированным показателем (уровнем инфляции/безработицы/денежной массы) в целях достижения определённого позитивного макроэкономического эффекта. При этом фактически подобный результат часто оказывался недостижим. Это происходило по той причине, что в ходе реализации экономической политики внезапно менялся характер той функциональной связи между агрегированными величинами, который предполагалось использовать. На это обращает внимание Самуэльсон [7, с. 1259], хотя и не даёт этому наблюдению подробного объяснения, ограничиваясь рекомендацией не злоупотреблять сложившимися закономерностями.

Пример методологической альтернативы. Австрийская школа. На наш взгляд, обозначенная ошибочная уверенность в универсальности выявленных статистических закономерностей отнюдь не является случайной чертой рассмотренных теорий. Напротив, указанный момент очень глубоко соответствует общим методологическим предпосылкам и самому исследовательскому духу англо-американской философии и науки, который традиционно характеризуется эмпиризмом (что означает уделение повышенного внимания статистическим аргументам) и своеобразным «сциентизмом», т.е. тенденцией проецировать на гуманитарные науки методы естественных наук. Но если в области последних статистические закономерности действительно дают основания делать выводы о наличии функциональных связей и допускают широкое применение математических моделей, то область общественных наук имеет свою ярко выраженную специфику и требует зачастую другого подхода.

Это в своё время очень ясно осознали представители австрийской экономической школы (в первую очередь – Фридрих Хайек и Людвиг фон Мизес), которые дали достаточно развёрнутую критику использования статистики для формулирования гипотез и предложили в качестве альтернативы рационально-логический метод, фокусирующийся не на обобщённых данных, а на описании рационального поведения участников рыночных процессов (рациональный субъективизм).

Позиция приверженцев данной школы однозначна в отношении важности тщательного логико-теоретического анализа. Так, Мизес пишет по поводу методологии экономической науки, полемизируя со сторонниками стабилизации курса денежной единицы (по сути, предшественниками монетаризма): «они утверждают, что факты должны говорить сами за себя». Однако, по его убеждению, «теорию нельзя вывести из объективного анализа фактов», в то время как «в отсутствие теории невозможно интерпретировать факты» [3, с. 51]. Сходную позицию занимает и Хайек: «утверждение, что статистическое рассмотрение можно проводить без теоретического предубеждения, основано на самообмане» [8, с. 115]. Он однозначно отдаёт приоритет рационально-логическим методам перед эмпирикой: «если теория логически состоятельна, ... то наилучший возможный результат статистического исследования – показать, что часть процессов всё ещё не получила объяснения» [8, с. 111].

Современный представитель австрийской школы, Уэрта де Сото, также акцентирует специфику экономической области: «в экономической теории – в

отличие от физики, инженерного дела и естественных наук – австрийцы не видят никаких функциональных зависимостей» [5, с. 11]. С позиций такого подхода (местами, пожалуй, излишне радикального), кривая Филлипса или монетаристское уравнение денежного обращения попросту не имеют права на теоретическое существование. Можно не согласиться с таким жёстким выводом. Однако действительно стоит признать, что любая экономическая модель должна в первую очередь строиться на основе внимательного анализа внутренней логики экономических явлений. Такой подход *a priori* позволяет учесть большую по сравнению с функциональными моделями сложность явлений – и в то же время сами эти модели легко могут быть выведены как частный случай подобных комплексных теоретических схем.

Заключение. Ложная нейтральность методологии. И кейнсианство, и монетаризм представляли собой в первую очередь практически ориентированные доктрины – и в качестве таковых достаточно часто предлагали рецепты, основанные на чисто эмпирических моделях. В основе этого лежал достаточно механицистский подход к социально-экономическим явлениям: на основе эмпирико-статистических закономерностей строились функциональные абстракции, посредством которых предполагалось влиять на экономическую реальность. В определённой степени такой подход действительно давал эффект – но его принципиальный недостаток заключался в том, что при попытках длительного воздействия путём мер денежной политики действовавшие до тех пор взаимосвязи внезапно менялись. Неспособность базирующейся на кейнсианстве политики поддержать благоприятную экономическую конъюнктуру привела к достаточно резкому спаду популярности самого кейнсианства и переходу к монетаристской политике. Однако и монетаристские схемы моделирования экономических явлений достаточно быстро обнаружили свои недостатки (выше мы привели пример с линейной зависимостью уровня цен от объёма денежной массы).

В этом отношении интересно сделать следующий вывод: как нам представляется, используемые в науке методологические системы **редко югда оказываются нейтральны**. В случае наук об обществе это проступает со всей очевидностью. Так, теории, основанные на экстраполяции методов естественно-эмпирических наук на область социальной реальности, практически неизбежно влекут за собой проекты преобразования этой реальности на основе обнаруженных законов. Можно без преувеличения сказать, что эмпиризм в данном случае *всегда* ведёт к интервенционистской политике (какой была, например, кейнсианская политика). Напротив, анализ экономической сферы, ориентирующийся в первую очередь на исследовании всей сети человеческих практик (как в индивидуальной форме, так и в форме институтов) ведёт, как правило, к признанию её а) сложности, делающей проблемным целенаправленное вмешательство и б) органической самодостаточности, делающей такое вмешательство ненужным. В таком случае возможная экономическая политика ограничивается, как правило, проектами коррекции

институциональных аномалий, дезорганизующих экономическую жизнь общества. Яркий пример подобного подхода даёт австрийская экономическая школа, основные рецепты которой направлены скорее на реформирование некоторых общественно-экономических институтов (в рамках традиционного права), нежели на прямолинейное воздействие на тот или иной макроэкономический агрегат.

Итак, можно с уверенностью сказать, что научная школа, склонная к применению естественнонаучной методологии, закономерно придёт к идее целенаправленного воздействия на свой объект в утилитарных целях. Уверенность в успехе подобных воздействий, осуществляемых путём неких манипуляций с детерминирующими факторами (в нашем случае – процентной ставкой, уровнем цен и т.д.) основана на убеждённости в существовании в социальной сфере жёстких функциональных связей. Но в таком случае сам объект подобного рода теорий (общество) предстаёт частью физического мира и утрачивает свою специфику. Вопрос о том, насколько такие обобщения допустимы, остаётся нерешённым – но крайне важным: ведь в случае их неправомочности мы получаем некую отчуждённую от своего объекта теоретическую схему, не способную в полной мере объяснить сам объект, но занятую исключительно количественными описаниями и вытекающими из них попытками манипуляций. Однако даже наш краткий анализ явно свидетельствует против подобного рода обобщений, настаивая на 1) качественной особенности объекта экономической науки и 2) на необходимости дальнейшего развития соответствующей подобному объекту методологии.

Учитывая всё сказанное, завершим работу следующим оптимистичным замечанием: нам представляется, что именно повышенное внимание к альтернативному теоретическому опыту ряда научных школ, подобных австрийской, позволит постепенно выявить контуры методологического фундамента, на котором в перспективе получится интегрировать подходы различных школ и создать науку, позволяющую исчерпывающе объяснить наблюдаемые явления, а не просто описать их. В этой связи можно вспомнить Аристотеля, который считал, что наука существует не там, где аккумулирован некий опыт («они не говорят, например, почему огонь горяч, но говорят только, что он горяч» [1, с. 32]), а там, где имеется знание причин (вспомним, что у Аристотеля таковых имелось четыре вида – из которых естественнонаучная методология задействует только один). В последнем случае наука, согласно Аристотелю, становится схожей с искусством. Поэтому, на наш взгляд, именно преодоление узко утилитарного понимания причинности, черпаемого из опытных данных, позволит экономической теории в полной мере приблизиться к аристотелевскому идеалу науки – и в таком случае её можно будет назвать искусством.

Литература:

1. Аристотель. Метафизика. – М.: Sancti Thomae Institutum, 2006.
2. Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. – Челябинск: Социум, 2015.
3. Мизес Л. фон. Теория экономического цикла. Челябинск: Социум, 2012.
4. Рябых В.Н. Краткий анализ теоретических концепций взаимосвязи между инфляцией и безработицей в свете современных тенденций общественного развития // Социально-экономические явления и процессы. – № 37. – С. 96-105. – 2012.
5. Сото У.Х. де. Деньги, банковский кредит и экономические циклы. – Челябинск: Социум, 2008.
6. Сото У.Х. де. Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательское творчество. – Челябинск: Социум, 2018.
7. Самуэльсон П. Экономика. – М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2012.
8. Хайек Ф., фон. Собрание сочинений: в 19 т. Т. 7: Экономические циклы: часть I. – М: Социум, 2018.
9. Phillips A.W. The Relation between Unemployment and the Rate of Change of Money Wage Rates in the United Kingdom, 1861-1957. *Economica*, New Series. – 1958. – Vol. 25. – No. 100. – pp. 283-299.